

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Щербак

Перед теорией
модернизации: взлет,
крах и наследие
расовой теории

Препринт М-71/19

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2019

УДК 93
ББК 63.3(4)
Щ 61

Щ 61 **Щербак А.**

Перед теорией модернизации: взлет, крах и наследие расовой теории / Андрей Щербак : Препринт М-71/19. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 38 с. — (Серия прerinтов; М-71/19; Центр исследований модернизации).

Теория модернизации, описывающая и объясняющая экономический, технологический, политический, социальный и культурный рывок (или, вернее, отрыв) Запада, появилась в 1950-х годах. Это намного позже, чем начало самой модернизации, даже если сфокусироваться только на ее ключевой фазе — Промышленной революции начала XIX века. Как же европейцы объясняли свой модернизационный успех до появления теории модернизации? Одной из ключевых концепций (но, конечно, не единственной), являвшейся долгое время мейнстримом общественных наук, являлась расовая теория. Отметим, что формирование цельной теории модернизации совпало с окончательной дискредитацией расовой теории в конце 1940-х годов. Предполагая, что создатели теории модернизации не могли полностью отказаться от всех структурных элементов предыдущей концепции, мы попытаемся исследовать зарождение теории модернизации через призму ее противопоставления расовой теории. В фокусе данной работы — отличия и сходства теории модернизации от расовой теории. Особое место уделяется проблеме биологизации социальных наук, отказ от которой произошел после разгрома расовой теории и возврат к которой мы наблюдаем в настоящее время.

Щербак Андрей Николаевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, научный сотрудник Центра исследования модернизации ЕУСПб.

Введение

Появление теории модернизации обычно датируется концом 1950-х годов, когда Сеймур Липсет опубликовал свои ключевые работы [Lipset 1959; Lipset 1960]. В них он предложил убедительную модель объяснения социально-экономического развития, понимаемого как переход от традиционного общества к современному. «Осовременивание», или модернизация, было неразрывно связано с такими процессами, как индустриализация (переход от аграрной экономики к промышленному производству), урбанизация (резкое увеличение доли городского населения), расширение доступа к массовому образованию и демократизация. В дальнейшем появились как концепции, уточняющие и развивающие теорию модернизации [например, Inglehart 1997; Inglehart, Welzel 2005], так и критикующие ее (например, «теория зависимости»). Любопытно, что теория модернизации появилась лишь через 150 лет после начала самой модернизации, даже в самом узком ее понимании — то есть начала Промышленной революции. Едва ли европейцы были не в курсе своих успехов в развитии — скорее, наоборот. Как же тогда они объясняли модернизацию *до* теории модернизации?

Долгое время одной из ключевых концепций оставалась *расовая теория*, которая была доминирующей системой идей на стыке общественных и естественных наук в течение конца XIX — первой половины XX века¹. По ряду причин, как политических, так и сугубо научных, она оказалась полностью дискредитирована к середине 1940-х годов.

¹ Я намеренно не обращаюсь к марксизму в данной работе. Конечно, марксистская теория являлась частью мейнстрима в социальных науках в тот же период.

Отметим, что разгром расовой теории непосредственно предшествовал появлению теории модернизации. При этом разгром был как академический (отказ от любых идей синтеза биологического и социального, особенно использования самого концепта «расы» в общественных науках), так и институциональный (кафедры, журналы, конференции, гранты и т. д.). Образно говоря, расовая теория была вырвана «с корнем» из социальных наук. Однако, продолжая данную аналогию, можно предположить, что на месте «корней» остались «пустоты», которые, хотя и были заполнены иной «породой» (то есть иным знанием), все же позволяют выявить следы предшествующей парадигмы в существующей ныне теоретической рамке. Такого рода археология знания, или выявление более архаичных пластов представлений о принципах развития современного общества в структуре нынешней главенствующей теории, может быть полезной для критического осмысления теории модернизации как минимум по двум причинам.

Во-первых, она позволит встроить теорию модернизации в более широкий контекст динамики представлений о развитии общества и обнаружить, от каких положений предшествующих теорий она решительно отказалась, а какие принципиально новые идеи были предложены. Я считаю, это поможет более четко осознать эвристический потенциал теории модернизации и ее перспективы на будущее. Теория модернизации решительно порвала с биологизацией социальных наук, ей стал чужд крайне популярный ранее биологический детерминизм. Основными условиями развития стали открытость знаниям, желание проводить реформы и культурная адаптация.

Во-вторых, станет более четко ясна структура теории модернизации, со всеми ее ключевыми элементами и принципами. Краеугольным камнем теории модернизации стал принцип универсальности развития, то есть способности любого общества провести структурные реформы, запустить долгосрочный экономический рост и пройти через универсальные социальные изменения, включая индустриализацию, урбанизацию, секуляризацию, стандартизацию, рационализацию, демократизацию. Одновременно это означало, что теория модернизации не признаёт концепций «особого пути», которые бы отказывали отдельным обществам в шансе на успешное развитие по каким-либо причинам.

Кроме того, сравнение сходств и отличий теории модернизации и расовой теории позволит более последовательно обсудить возможности и границы инкорпорирования достижений естественных наук — биологии, генетики, медицины, географии — в социальные науки. Долгое время ре-

шительно отторгались практически любые попытки включения несоциальных факторов в объяснительные модели общественных процессов. Однако в последние годы достижения естественных наук уже сложно было игнорировать, и стало появляться много работ на стыке общественных и естественных наук [например, Даймонд 2012]. Тем не менее экономисты далеко не всегда принимают такие объяснения (например, критика Аджемоглу и Робинсона географического подхода [Аджемоглу, Робинсон 2015]). Порой сами биологи и генетики резко протестуют против использования понятия «раса» для объяснения различий в социально-экономическом развитии обществ. Многие исследователи настаивают на исключительно социальной природе категоризации человеческих сообществ («этничность», «раса», «нация» — это социальные конструкты) и протестуют против любых попыток найти под ними биологическую природу. Вопрос «биологизации» социальных наук остается довольно чувствительным моментом. В то же время есть понимание того, что включение географии, экологии и связанной с ними демографии может обогатить наше понимание причин начала и успеха модернизации.

Структура работы выглядит следующим образом. В первой части представлен краткий очерк истории расовой теории, включая две связанных с ней дисциплины — физическую антропологию и евгенику. Во второй части рассматриваются некоторые примеры влияния расовой теории на становление современных научных дисциплин. В третьей части теория модернизации противопоставляется расовой теории. В четвертой части дается краткий обзор развития физической антропологии и евгеники в России. В заключении приводятся рассуждения о настоящем и будущем биологизации социальных наук.

Расовая теория: истоки, основные положения и влияние на науку

Расовая теория как широкая, рамочная научная дисциплина появилась в XIX веке. Ключевым концептом для нее являлась «раса», под которой понималась особая группа человеческой популяции, обладавшая отличительным фенотипом и врожденными биологическими свойствами, включающими множество признаков — от цвета кожи и роста до когнитивных способностей и социального поведения.

Отдельные, несистематизированные суждения о делении человечества на расы появились довольно рано. Например, в XVIII веке Карл

Линней, предлагая единую классификацию живых организмов, выделил четыре расы, основываясь на географическом происхождении и цвете кожи [Уэйд 2018: 37]. Поначалу «раса» так и использовалась — как концепт для описания разнообразия и создания классификации человеческого вида. Неоднозначность концепта «раса» появилась после выхода работ Жозефа Артюра де Гобино. В своем ключевом труде «Опыт о неравенстве человеческих рас» он попытался объяснить взлет и упадок цивилизаций с помощью категории «расы», которую воспринимал как основу для создания иерархий человеческих групп. Утверждая наличие расовой иерархии (белая раса наверху, желтая ниже и черная — в самом низу), Гобино заявлял, что упадок цивилизаций происходит вследствие смешения рас, в результате которого «высшие расы» утрачивают свои врожденные свойства. Кроме того, в его работе упоминалась «арийская раса» как высшая среди «европейской расы». Гобино был к тому же полигенистом, утверждая, что разные расы произошли от разных вариантов *homo sapiens*, то есть расы классифицировались как разные виды человека [там же: 38]. Идея полигенизма была поддержана американским натуралистом Сэмюэлем Мортонем, который оказался одним из первых ученых, систематически собиравших человеческие черепа и использовавших свою коллекцию для обоснования научных взглядов. Во-первых, Мортон посчитал различия в устройстве древнеегипетских черепов и африканских черепов того же времени и назвал эту разницу убедительным подтверждением идеи полигенизма. Во-вторых, он начал продвигать тезис о связи на уровне расы между размером черепа, мозга и интеллектом, считая «кавказскую» (белую) расу наиболее одаренной, а «негроидную» (черную) — наименее интеллектуально развитой [там же: 39–40]. Его идеи были с воодушевлением приняты частью американской аудитории, видевшей в них оправдание института рабства [Morton 2018].

Немаловажную роль в популяризацию расовой теории внес англо-немецкий философ Хьюстон Стюарт Чемберлен, который в своей книге «Основания XIX века» создал расовую историю человечества с Древнего мира по 1800 год. Согласно идеям Чемберлена, вся история цивилизации Запада объясняется особенностями «арийской расы», к которой он относил не только германцев, но и греков, римлян, кельтов и даже славян. Врожденные особенности «арийцев» позволили им возвыситься в ходе истории, а взлет и упадок цивилизаций он объяснял смешением рас, в основном с «семитской расой» (то есть евреями). Чемберлен придерживался идеи жесткой иерархии рас, осуждал смешение рас, считая его причиной «расового вырождения», и был уверен, что история сводится к

«борьбе рас»; он один из ключевых идеологов «расового превосходства» своего времени [Шнирельман 2015: 35–37]. Его труды имели значительное влияние на современников.

Огромный вклад в становление расовой теории оказала теория эволюции Чарльза Дарвина. Ключевые концепции данной теории произвели большое впечатление на современников: происхождение человека от обезьяны, развитие от низших видов к высшим, естественный отбор, борьба за существование. Хотя сам Дарвин не может быть причислен к сторонникам расовой теории, он не смог противостоять попыткам механического переноса его идей в науки об обществе. Так появился социальный дарвинизм. Используя широко понимаемые, заимствованные у Дарвина концепты «выживание наиболее приспособленных» и «борьба за существование», сторонники социал-дарвинизма утверждали, что развитие общества происходит по тем же законам². Особое внимание уделялось биологическому обоснованию принципов *laissez-faire*, капитализма, индивидуализма, что позволяло считать более успешными представителями высших видов. Влиятельным сторонником социального дарвинизма считается англо-американский социолог Герберт Спенсер, который, собственно, и ввел в оборот термины «выживание наиболее приспособленных» и «борьба за существование», причем за несколько лет до Дарвина [Уэйд 2018; Leonard 2005a: 214–215].

К концу XIX века расовая теория, в широком смысле этого слова, сложилась как направление на стыке естественных и социальных наук. Ниже кратко представлены ее основные положения.

Ключевые положения: категория «расы», иерархия «рас», границы между «расами»

Во-первых, основополагающей является идея о том, что человечество делится на «расы», при этом раса является важнейшей категорией для разнообразия человеческих сообществ. Каждая раса имеет четкую биологическую основу, они выявляются и различаются набором определенных признаков. При этом среди сторонников расовой теории может

² Справедливости ради стоит отметить, что идеи Дарвина в этот период использовались крайне широким спектром мыслителей, которые ими старались обосновать практически все: социализм и капитализм, милитаризм и пацифизм, религию и агностицизм [Leonard 2005a: 218].

вестись спор о полигенизме (предполагающем, как отмечалось выше, происхождение рас от разных видов проточеловека) и моногенизме (происхождение рас от одного вида).

Во-вторых, расы отличаются определенным набором физических, психологических, когнитивных, социальных особенностей. Эти особенности носят врожденный характер, передаются по наследству и практически не могут быть изменены воздействием среды. Наличие этих черт и определяет направление развития рас. Для сохранения этих черт расы не должны смешиваться; ключевой постулат расовой теории — необходимость «чистоты расы». Границы между расами должны быть строго очерчены.

В-третьих, идея «иерархии рас». Расы разделяются на «высшие» и «низшие», более успешные и менее успешные; одни предназначены править, другие — подчиняться. Иерархия носит биологический характер: «высшие расы» обладают набором особых врожденных признаков. Физическим особенностям (например, размеру черепа и объему мозга) соответствуют психологические и интеллектуальные навыки: уровень интеллекта, навыки социального поведения.

Как выглядит развитие в рамках данной модели? Развитие и прогресс носят ярко выраженную биологическую основу: «высшие расы» достигают успехов за счет своих врожденных достоинств — повышенного интеллекта, склонности к образованию и науке, высоких моральных качеств, более сложного социального поведения и более совершенной социальной организации. «Низшие расы» оказываются неспособными к развитию, в лучшем случае они могут копировать некоторые достижения, причем под присмотром представителей «высших рас»³. Кроме того, в силу своих врожденных недостатков «низшие расы» могут быть лишены свободы, собственности, любой правовой защиты, а часто и жизни. Преемственность способности к развитию сильнейшим образом зависит от наследуемости врожденных признаков внутри расы.

Таким образом, развитие носит эксклюзивный характер в силу расовых различий. Большому числу сообществ отказано в возможности даже

³ Типичное высказывание представителя британского правящего класса: «По уровню мышления африканцы <...> стоят гораздо ближе к животному миру, чем люди европейского или азиатского происхождения» [цит. по: Истерли 2016: 83]. Или американского: «Его [негра] не интересуют ни собственность, ни культура, и, чтобы повысить его потребительские стандарты, вам придется злоупотребить его свободой» [там же: 84].

шанса на развитие из-за их биологической ущербности. В рамках расовой теории развитие не носит универсального характера. Часто популярность расовой теории на рубеже XIX и XX веков объяснялась инструментально — как попытка перенести общественное внимание с критики капитализма на проблему «вырождения расы».

С современной точки зрения даже вне этического контекста расовая теория едва ли может считаться научной концепцией как минимум по двум причинам.

Во-первых, крайне размыта сама единица анализа — «раса». В разных концепциях их число варьирует от 3 до 30 — с введением «малых рас», «расовых типов» и «под-рас» [про «европейские расы» см. Turda 2010: 66]. Это означает, что определение ключевой единицы анализа носит крайне произвольный характер и происходит по субъективным, а не объективным причинам. Попыток классификаций рас было проделано очень много.

Примером может быть различие во взглядах сторонников расовой теории на славян. Одни считали, что русские, украинцы и белорусы — это одна «славянская раса», тем самым оправдывая тезис «славянского единства»; другие настаивали на принадлежности украинцев к так называемой «динарской расе», совершенно отличной от русских, что оправдывало украинский национальный проект. Третьи же считали, что славяне — лучшие представители «арийской расы» [Шнирельман 2015].

Во-вторых, иерархия рас также носит сильно произвольный характер. С одной стороны, «белые расы», как правило, относятся к верхней части иерархии. Однако есть примеры, когда неевропейцы оказывались наверху: например, нацисты во время Второй мировой войны признавали японцев «арийцами Азии». С другой стороны, иерархия внутри белых рас часто оказывалась весьма произвольной, хотя бы по причине выделения малых «европейских рас». Например, для нацистов славяне были сильно внизу расовой иерархии⁴, в то время как для славянских сторонников расовой теории славяне никак не уступают германцам как истинным «арийцам», а иногда и превосходят их [там же: 124]. Другим примером является отнесение ирландцев к «иберийско-ирландской расе», помещаемой на стыке европейских и африканских рас.

Таким образом, ключевые положения расовой теории носят крайне произвольный характер. При всех указанных недостатках расовая теория

⁴ Для руководителя СС Гимmlера славяне принадлежали к «монгольской расе» [Фергюсон 2014].

оказывала огромное влияние на развитие общественных наук в первой половине XX века. Среди дисциплин, неразрывно связанных с расовой теорией, были физическая антропология и евгеника.

Физическая антропология

Для антропологии того периода — XIX и начала XX века — «раса» являлась одним из ключевых понятий. Своей задачей новая наука видела описание разнообразия человечества научным языком, используя инструментарий естественных наук с уклоном в математическую верификацию⁵. Новая наука намеревалась выявить объективные различия среди человеческого населения и описать данные различия языком самой современной для своего времени науки. Физические антропологи были сродни географам — они стремились заполнить белые пятна на картах проживания человеческих сообществ.

Категории описания были вполне научными в том смысле, что они основывались на строгих измерениях: форма черепа, объем мозга, тип и цвет волос, цвет глаз, черты лица, рост. Созданию описательных категорий сопутствовал массовый сбор антропологического материала с помощью специально созданных антропометрических инструментов. Разновидность антропологии, краниология, предложила такой индикатор, как «черепной указатель» (отношение ширины черепа к его длине), позволивший разделить группы на «долихокефалов» (длинные черепа) и «брахикефалов» (короткие черепа).

Хронологически и содержательно история физической антропологии на рубеже XIX и XX веков может быть разделена на два периода: условно «либеральный» и условно «биологический».

Сутью «либерального подхода» был приоритет научности, часто понимаемый как строгость и точность научного метода сбора данных, своего рода позитивизм. В фокусе исследовательской повестки было изучение человеческого разнообразия, населяющего страны, империи, планету, строгая классификация и создание таксономий «морфологических типов». Либеральные антропологи настаивали на несмещении по-

⁵ Примечательно, что кафедры антропологии в российских университетах до Первой мировой войны создавались, как правило, на механико-математических факультетах, но только в виде исключения (и то временно) — на историко-филологических [Могильнер 2008].

нятий «расы» и культуры. С их точки зрения, «раса» — это некий абстрактный, статистически вычисляемый физический тип, а не четкая биологическая категория. В то же время «народ» и «нация» — это общности, в первую очередь определяемые с помощью языка и культуры, но не расы. В «народе» и «нации» смешивались несколько расовых типов, без возможности вычленив доминирующий «чистый» тип [Evans 2007]. Таким образом, антропологи отказывались от концепции «расы-нации»: нация не имеет четкого биологического основания.

Постулат о «расовой смешанности» был краеугольным камнем данной повестки: это и единство в разнообразии, и отказ от построения иерархий среди рас и границ между ними, с разведением понятий «раса» и «нация» и отрицанием наличия связи между расой, особенностями человеческого тела и интеллектом. Иными словами, это была попытка описать архаичное население языком модернизации, который бы опирался на представления о необходимости стандартизации (фиксация «объективных» различий на основе научного метода) и рационализации (для улучшения управления нужно знать как можно больше о своем населении). На рубеже веков в Германии такой подход был представлен Рудольфом Вирховым (Берлинское антропологическое общество), в России — Дмитрием Анучиным (Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве) [Могильнер 2008].

Удивительно, но либеральные антропологи крайне настороженно (если не скептически) относились к теории эволюции, так как довольно часто эволюционный подход воспринимался как движение от низших групп к высшим. Например, он нередко позволял определить африканцев (особенно пигмеев) как «промежуточное звено» между приматами и людьми [Evans 2007].

В рамках антропологии того времени наука часто перемешивалась с политикой. Например, Вирхов и подобные ему антропологи, отрицая наличие «арийской расы» (а также «тевтонской» или «германской») как таковой, равно как и наличие любой иерархии между расами, публично осуждали такие явления, как расизм, антисемитизм и шовинизм [Ibid.].

Тем не менее даже в рамках этой парадигмы ряд антропологов имели различные мнения об объекте исследований. Одни призывали изучать все виды человеческих популяций, включая европейцев, другие настаивали на том, что истинная антропология — это колониальная антропология, которая должна изучать «неразвитые» неевропейские народы. Высказывалось мнение, что при этом «культурные» народы должны изучать историю [Могильнер 2008: 113].

В начале XX века в ведущих европейских странах в развитии физической антропологии верх берет «биологический» подход. На смену парадигм повлияло несколько факторов. Во-первых, свою роль сыграло развитие теории эволюции. Новые археологические открытия, поддерживающие теорию эволюции (например, находка питекантропа как промежуточной формы между приматами и людьми), ослабляли позицию скептиков, отрицавших наличие иерархий между видами. Теперь неравенство видов стало пониматься как неотъемлемая часть биологического и социального ландшафта.

Во-вторых, проявилось разочарование в методах. Десятилетия сбора антропологических «стандартных» данных (включая измерение черепов, роста, исследование цвета волос, цвета кожи и т. д.), по сути, не принесли никаких серьезных научных открытий. Провал краниологии стал кризисом строгого позитивизма. В то же время открытия законов Грегора Иоганна Менделя вызвал у антропологов живой интерес к генетике. Стало усиливаться представление о расах сквозь призму наследуемости признаков, особенно в области интеллекта. Гены стали тем маркером, который отличал одни расы от других. Физические особенности и отличия «расовых типов» стали плотно увязываться с их психологическими и когнитивными признаками. В итоге «раса» стала пониматься как совокупность наследуемых, врожденных признаков, а не как «статистическая средняя» [Evans 2008].

В-третьих, сказались смерть лидеров и авторитетов либеральной антропологии и смена поколений в науке. В Германии смерть Вирхова и его ближайших коллег послужила толчком к укреплению нелиберального движения в антропологической школе.

В-четвертых, радикально изменился общественный фон в Европе. Первая мировая война вызвала бурный рост национализма, в том числе среди ученых. В Германии, да и в других странах антропологи стали больше уделять внимания концептам «нордической», «арийской», «тевтонской» и т. д. расы как ответу на трудности войны и поражение в ней. Данные изменения привели к тому, что дискурс человеческого разнообразия сменился дискурсом расовой чистоты, расовой гигиены и евгеники. В случае Германии физическая антропология превратилась в 1920-е годы в совершенно нелиберальную «расовую науку» [Ibid.]. В повестке новой дисциплины теперь преобладали создание иерархии рас, в том числе в Европе, обоснование высшего статуса северных европейцев («нордическая раса»), обсуждение «практических мер» по улучшению расы (или созданию препятствий деградации расы). Свою роль здесь

также сыграло влияние трудов уже упоминавшихся Гобино и Чемберлена, где они пропагандировали идеи высшей «арийской расы». «Биологический» подход в антропологии был гораздо ближе к идеям расовых идеологов, чем предшествовавший ему «либеральный». Теперь антропологи соглашались с идеями о врожденном биологическом и интеллектуальном неравенстве между расами, которое определяет различия в их социальном поведении и в каком-то смысле их исторической судьбе. Оставался совсем небольшой шаг к принятию идей евгеники, «расовой чистоты» и «расовой гигиены».

Евгеника

Создателем евгеники как научной дисциплины считается двоюродный брат Чарльза Дарвина Фрэнсис Гальтон. В своем исследовании о достижениях выдающихся людей Гальтон предположил, что ключевой фактор — это биологическая наследственность, т. е. передача врожденных признаков по семейной линии, но не социальное положение. Таким образом, развитие прочно увязывалось с позитивной селекцией внутри человеческого вида. Понимание принципов подобной селекции и управление ею воспринималось как мощнейший механизм общественной трансформации; естественную селекцию должна заменить управляемая селекция [Bashford, Levine 2010: 4]. Открытие законов наследственности Менделя и применение их к человеческим сообществам воодушевило многих ученых, которые быстро приняли участие в развитии евгеники как науки [Evans 2008]. Ключевым концептом для дисциплины стала «раса», понимаемая как совокупность наследуемых признаков; в такой парадигме «улучшение расы» понималось как управление наследуемыми качествами [Turda 2010: 63]. Так как развитие евгеники шло бок о бок с развитием медицины и бактериологии, для многих сторонников этой дисциплины идеалом являлась «раса сверхлюдей», не подверженная болезнетворным микроорганизмам [Фергюсон 2014]. Развитие воспринималось как некий математический баланс между «расовыми типами». Согласно этой логике, высшие качества должны воспроизводиться и широко распространяться, а нежелательные признаки должны сокращаться. Таким образом, позитивная повестка евгеники заключалась в поощрении воспроизводства «лучших», а негативная — в препятствии размножения «худших» [Paul, Moore 2010: 38]. Стоит добавить, что еще на ранних этапах развития евгеники было отвергнуто представление,

что изменение среды может иметь какое-либо значение для изменения качеств индивидов; все определяла наследственность, а не социальное окружение [Leonard 2005a: 221].

В рамках евгеники происходила расоизация представлений об обществе, которое во многом воспринималось как биологический организм. Происходило установление биологических границ между социальными группами, причем не только между расами, но и внутри рас. С одной стороны, смешение «высших» и «низших» рас воспринималось как причина вырождения «высших рас», а метисация рассматривалась как общественная проблема⁶. В результате оказались тесно связаны евгеника, медицина и развитие тропической бактериологии. Врачи-бактериологи были в авангарде науки того времени, участвуя в покорении и изучении Африки и Азии. Их непосредственный контакт с местным населением, описания их полевых экспедиций много значили для современников; помимо этого, они проводили эксперименты на местном населении [Фергюсон 2014]. С другой стороны, сторонники евгеники усматривали признаки вырождения и среди самих европейцев. Подобному дискурсу сопутствовало выделение и маргинализация женщин и рабочих в отдельные социальные и биологические группы [Могильнер 2008: 329]. Евгеника активно использовала концепт «дегенерации» для создания иерархий и обоснования вмешательства ради положительных изменений в обществе. Например, в условиях Англии «дегенерация» часто связывалась с урбанизацией и пагубным положением рабочих, число которых стремительно росло, а во Франции — с низкой рождаемостью. Евгеника претендовала на научное определение социальных язв, влекущих за собой вырождение и дегенерацию общества, и оправдывала государственное вмешательство, которое было сродни профессиональному «лечению» [там же: 332]. Целью подобной интервенции должна была стать «расовая гигиена» как часть более широкой общественной гигиены.

⁶ Правовые последствия иерархий: в германской Юго-Западной Африке чернокожим запрещали ездить верхом, они не могли ходить по тротуарам, использовать велосипеды или посещать библиотеки. Если на ранних стадиях колониализма французы в своих владениях поддерживали смешанные браки, считая, что они способствуют ассимиляции, то потом они их запретили и стали проводить политику сегрегации. Причем для ее оправдания использовалась медицинская терминология: утверждалось, что африканцы переносят болезни. Немцы в своих колониях сразу запретили смешанные браки [Фергюсон 2014].

Особо отметим, что для многих современников евгеника была частью именно научного знания, а ее повестка — частью широкой общественной модернизации. Напомним, что естественные науки всегда воспринимались как авангард прогресса. Если воспринимать науку одновременно как теорию и практику, то евгеника почти идеально подходила под это описание. Основанная на идее рационального планирования и общественного прогресса, евгеника была одним из решений застарелых социальных язв — бедности, преступности, болезней, невежества. Повестка евгеники требовала тщательного сбора информации о населении — о расовой и классовой принадлежности, семье, болезнях, месте проживания и др. [Bashford, Levine 2010: 10]. При грамотном планировании, как считали сторонники евгеники, государство может управлять темпами и направлением воспроизводства населения. Индивидуальное сексуальное и репродуктивное поведение становилось, таким образом, важным общественным делом. Задача общества и государства — профилактика и пропаганда «правильного» образа жизни, который соотносился с вопросами здоровья, общественной гигиены и «чистоты расы». Например, в Германии такая повестка новой «науки» в начале XX века была сформулирована Ойгеном Фишером, молодым немецким антропологом, который стал одним из лидеров и идеологов евгеники в Германии вплоть до 1940-х годов. За совершенной им в 1906 году полевой поездкой в немецкую Юго-Западную Африку последовал выход книги о проблеме «смешения рас», в которой он, во-первых, заявил свое первенство в применении законов Менделя к человеческим сообществам, а во-вторых, призывал к предотвращению «расового смешивания» [Фергюсон 2014; Evans 2008]. Не без его участия в немецких колониях были приняты законы против смешанных браков⁷.

Наибольшего влияния евгеника достигла в 1920–1930 годах, причем практически во всех западных странах. При активном содействии евгенических обществ, академических кругов — в том числе антропологов [например, в Германии, см. Evans 2008] — многие правительства приняли специальные евгенические программы по улучшению качества населения и препятствия «вырождению расы». Особенно мощными такие программы были в США, Германии, Великобритании и Скандинавии,

⁷ В 1927 году Ойген Фишер стал директором Института антропологии, человеческой наследственности и евгеники им. Кайзера Вильгельма, а в 1933 году он был назначен ректором университета Фридриха Вильгельма, став, таким образом, одним из ведущих ученых в нацистской Германии.

хотя определенного влияния евгеника достигла по всему миру [Dikötter 1998]. Они предполагали как сбор информации о населении, так и ряд прикладных программ, обычно основанных на вмешательстве государства в вопросы воспроизводства населения — например, с помощью насильственной стерилизации «нежелательных элементов». Под последними понимались отдельные преступники, душевнобольные, бедные, а иногда даже индивиды с IQ ниже 70 баллов⁸. Предельный случай — уничтожение миллионов людей в нацистской Германии под эгидой евгенических программ по «улучшению расы». Другое направление деятельности сторонников евгеники — это законодательные запреты на женитьбу отдельных индивидов (с определенными заболеваниями), а также попытки ввести обязательный скрининг здоровья супругов перед женитьбой [Bashford, Levine 2010: 6]. Согласно одной оценке, к 1933 году евгенические законы о стерилизации действовали в странах с совокупным населением порядка 150 млн человек [Kevles 1995: 115].

В целом евгеника оказалась сильно дискредитирована после разгрома нацистской Германии. Тем не менее евгенические программы (в основном по стерилизации «нежелательных» элементов) существовали в той или иной степени в ряде стран, в том числе на Западе, до 1970-х годов⁹. Как наука евгеника практически не существует¹⁰, хотя в широком смысле слова такие направления, как генотерапия, пренатальная диагностика, могут в какой-то степени быть к ней отнесены.

Как понималось общественное развитие в рамках расовой теории? Как тесное переплетение социальных и биологических процессов. Экономический рост, индустриализация, колониальная экспансия осмысливались не только в терминах социальных наук, но и в биологических категориях, основополагающей из которых была «раса». Принятие есте-

⁸ Подробнее см.: North Carolina Eugenics: Sterilization Program Victims Offered Funds // The Huffington Post 26.07.2013. URL: https://www.huffingtonpost.com/2013/07/26/north-carolina-eugenics-sterilization-victims-offered-funds_n_3657982.html (доступ 19.02.2019).

⁹ Например, в Швеции — до 1976 года. Подробнее см.: В Швеции 1700 жертв насильственной стерилизации получили компенсацию // Newsru.com. 16.07.2003. URL: <https://www.newsru.com/world/16jul2003/sweden.html> (доступ 19.02.2019).

¹⁰ Интересно, что даже на пике популярности евгеники в 1930-х годах против нее более всего выступали генетики, которые указали на то, что процесс наследования признаков (в том числе болезней) намного сложнее, чем его себе представлял сторонники евгеники [Bashford, Levine 2010: 19].

ственной «иерархии рас», управление врожденными признаками, меры по «улучшению расы» и по предотвращению «вырождения расы» — все это входило в ядро представлений о развитии общества в первой половине XX века. Прогресс европейских обществ осмыслялся в этих категориях: их достижения рассматривались как следствие их биологического превосходства как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Иными словами, модернизация — это результат не того, что европейцы делали, а того, кем они были; преобладали расоизация и биологизация представлений о развитии общества.

Но может быть, все-таки сторонники расовой теории и представители социальных наук не пересекались и расовая теория и другие общественные науки развивались параллельно в то время? Ответ на этот вопрос — отрицательный, многие видные ученые своего времени проявляли активный деятельный интерес к расовой теории, в том числе к евгенике. По сути, вся научная мысль в социальных науках в период Прогрессистской эры в США была под сильным влиянием биологических подходов и концепций, включая евгенику. Неудивительно, что все крупнейшие социальные мыслители того времени включали подобного рода идеи в свои исследования и разработки. Евгеника рассматривалась как инструмент социального контроля, проводник коллективизма и солидарности (защита «расы»), способ избавиться от пороков капитализма [Leonard 2005a: 212]. С другой стороны, были и такие сторонники евгеники, которые призывали к полному невмешательству государства: «пусть природа сделает свою работу», то есть даст выбыть генам неприспособленным к выживанию. С их точки зрения, социальный контроль мешает естественному отбору [Ibid.: 227]. Таким образом, идеи евгеники были близки как сторонникам индивидуализма и невмешательства государства, так и прогрессистам, настаивавшим на расширении сфер социального контроля.

Например, виднейший британский экономист Джон Кейнс был директором Британского общества евгеники (с 1937 по 1944 год), в этом же обществе состояли Карл Пирсон (статистика), Рональд Фишер (статистика и математика). Первым президентом Американского евгенического общества был Ирвинг Фишер (экономист). Президентом итальянского общества генетики и евгеники являлся экономист Коррадо Джини (разработал знаменитый «коэффициент Джини»). Один из основателей современной социологии Герберт Спенсер был видным сторонником евгеники. Создается впечатление, что вся современная статистика вышла родом из евгенических исследований. Эти примеры подтверждают, что

расовая теория могла довольно сильно влиять на представления о развитии общества.

Примеры влияния расовой теории на становление дисциплин в общественных науках

Утверждение о том, что расовая теория влияла на идеи о модернизации европейских обществ, нуждается в определенной проверке. Вполне логично предположить, что расовая теория и связанные с ней физическая антропология и евгеника, хоть и были частью научного мейнстрима своего времени, тем не менее не оказывали существенного влияния на социальные науки. Расовая теория могла развиваться отдельно, в рамках естественных наук, а науки об обществе — экономика, социология, политология — отдельно. Однако есть основания полагать, что расовая теория довольно существенно влияла на становление социальных наук. Дух Прогрессивной эры подразумевал, что биологические подходы активно используются для создания представлений в науках об обществе. Ниже приводятся несколько примеров такого влияния: экономика труда, экономика развития и программы контроля населения. Подобных примеров может быть и больше, однако мы ограничимся только этими.

Экономика труда

Развитие экономической науки на рубеже XIX–XX веков было неразрывно связано с развитием статистики, что сопровождалось расширением сбора данных о национальных экономиках. Например, в Англии одной из задач для новой науки оказалась оценка и улучшение нравственного состояния рабочих и его соотношение с эффективностью труда. Одним из направлений исследований стали оценки «уровня бедности, условий жизни бедняков и несчастных случаев на производстве» [Митчелл 2014: 208]. Другим направлением статистических исследований оказалась евгеника. К концу XIX века элиты европейских стран начали высказывать беспокойство в связи с появлением данных о «падении качества расы». Было распространено мнение, что бедные и физически неразвитые индивиды плодятся быстрее, чем здоровые и сильные. Экономисты, разделявшие данные сомнения, соглашались с тезисом о необходимости предотвратить «вырождение расы» [там же:

209]. Один из основателей неоклассической экономики, американский экономист Ирвинг Фишер, он же президент Американской экономической ассоциации, стал сторонником евгеники, положения которой начал включать в свои исследования. Так, в 1906 году Фишер стал одним из основателей «Общества по улучшению расы», а в 1922 году — «Американского евгенического общества» [там же: 212].

С экономической точки зрения труд является одним из факторов производства, такой же, как земля и капитал. Все ресурсы ограничены, необходимо относиться к ним бережно и использовать в экономике рационально. Следовательно, необходим точный учет трудовых ресурсов. Измерение трудовых ресурсов стоит проходить как по их количеству (число работников), так и по качеству. Однако «качество рабочей силы» — это уже категория евгеники. Государство, или общество, может позволить как улучшить этот ресурс, так и дать ему испортиться [там же: 212]. Ряд экономических характеристик, играющих важную роль на микроуровне — потребить сейчас или отложить потребление ресурсов на потом, — оказывались привязаны к личным характеристикам индивида. Именно они считались источником прогресса: склонность к бережливости, самоконтроль и др. В то же время эти характеристики объявлялись качествами, присущими лишь представителям «высших рас»; «низшие расы» подобными свойствами не обладали. Соответственно, на уровне всей экономики чуть ли не главной задачей государства в области управления трудовыми ресурсами провозглашалось препятствие «вырождению расы» [там же: 212]. Согласно Фишеру, государство могло вмешиваться в этот процесс и заниматься «улучшением расы» через Министерство здравоохранения [там же: 213]. Стоит ли говорить, что это улучшение предусматривало программы по насильственной стерилизации, ограничения прав на вступление в браки определенным категориям лиц и сегрегацию.

Другим направлением исследований было влияние иммиграции на качество трудовых ресурсов. Приток мигрантов, особенно из Азии, воспринимался одновременно сквозь призму и социальных, и расовых стереотипов. Выходцы из Азии (а также Восточной и Южной Европы), считавшиеся представителями заведомо более «низких рас», объявлялись не только культурной, но и биологической угрозой (через смешивание) — еще одним источником «вырождения расы» или «расового самоубийства» [Leonard 2005b: 209]. Фишер активно продвигал идею установления расовых квот, которая нашла поддержку среди правящего класса в США. В 1924 году там был принят Акт об ограничении имми-

грации. Президент Калвин Кулидж заявлял, что «Америка должна остаться американской» [Leonard 2005a: 204].

Угроза в виде притока мигрантов-«вырожденцев» (в основном азиатов, евреев, славян и латиноамериканцев) сильно повлияла на позиции прогрессистских экономистов по вопросу установления минимальной заработной платы. Первоначально они выступали, как правило, против таковой, считая ее ограничением нормальной конкуренции на рынке труда. Однако миграция вкупе с идеей «расового самоубийства» сильно изменила эти представления. Минимальная зарплата должна была послужить механизмом поддержки здоровых «расовых элементов»: во-первых, она не позволит мигрантам демпинговать на рынке труда; во-вторых, даст возможность заполнить рабочие места достойными работниками, а не «неполноценными». Последние же будут выдавлены в депрессивные районы, где их должны ждать либо надзор специальных институтов, либо, в крайнем случае, стерилизация [Leonard 2005b: 213]. Кроме того, введение минимальной заработной платы позволит «нормальным» работникам вести достойное существование, что очень важно для воспроизводства расы. С прогрессистской точки зрения зарплата должна определяться уровнем «достойного существования», а не производительностью работника [Ibid.: 214]. Новое деление предполагало существование «рас с низкой зарплатой» (*low-wage races*) и «рас с высокой зарплатой» (*high-wage races*); производительность последних, то есть белых американцев, была выше, но первые были готовы работать за меньшую зарплату и занижать уровень жизненных стандартов [Ibid.].

Таким образом, экономика труда изначально занималась измерением не только количества, но и качества трудовых ресурсов. «Качество рабочей силы» воспринималось во многом в биологических, «расовых» терминах. Весьма популярный в современную эпоху термин «качество человеческого капитала» имеет совершенно иные коннотации, в основном связанные с убеждением необходимости масштабных инвестиций в образование и здравоохранение. Государство также должно заботиться о воспроизводстве трудовых ресурсов, принимать меры как поддержания необходимого количества работников (включая управление миграционными потоками), так и их качества, например, через доступ к образованию. Однако в настоящий момент какой-либо биологический, «расовый» подтекст совершенно отсутствует. Идея о том, что государство может грубо вмешиваться в репродуктивный процесс и определять, кто имеет право оставлять потомство, а кто — нет, на данный момент категорически неприемлема.

Экономика развития (*development economics*) появилась как экономическая дисциплина, посвященная поиску ответа на вопрос: как бедным странам стать богатыми? Какая экономическая политика должна претворяться в жизнь, чтобы в развивающихся странах начался устойчивый экономический рост? Вопрос развития отсталых сообществ начал подниматься еще в колониальную эпоху как оправдание статуса европейцев в Африке и Азии. Даже французские республиканские власти¹¹ открыто высказывались о развитии Африки как демонстрации превосходства «белой расы» [Фергюсон 2014]. Как подробно описывает бывший старший экономист Мирового банка Уильям Истерли, процесс становления этой дисциплины в начале XX века оказался сильно увязан с расовой теорией [Истерли 2016].

Отношение европейцев и американцев к азиатам и африканцам основывалось на расовых предрассудках, четком убеждении, что желтая и черная «расы» являются «низшими» по сравнению с европейцами. После окончания Первой мировой войны во многом благодаря США был предложен первый проект по международному развитию — помощь Китаю. С одной стороны, внешнеполитический курс США требовал привлечения союзников в Азии для сдерживания Японии, и Китай считался ключевым кандидатом на эту роль, но с другой — идея расового неравенства распространялась и на китайцев, что выразилось в законах об ограничении иммиграции китайцев (Акт об исключении китайцев 1882 года и Акт об исключении выходцев с Востока 1924 года) [там же: 84]. Чтобы разрешить этот парадокс — привлечь китайцев идеями развития их страны, но не отказываться от восприятия китайцев как «низшей расы», была придумана идея «технократического развития», которая принципиально не рассматривала политически чувствительные вопросы, такие как ограничение иммиграции, экстерриториальность европейцев в Китае, расовое неравенство [там же: 105–106]. Истерли отмечает: «...технократы перевели стрелки — с нарушения прав Китая западными державами на техническую дискуссию о том, как оптимально и быстро добиться развития китайской экономики» [там же: 109]. В этом случае экономисты и политики, не желая отказываться от своих прав,

¹¹ Премьер-министр Жюль Ферри в 1884 году заявил: «...мы должны открыто сказать, что высшие расы имеют больше прав, чем низшие... потому что у них есть обязанности приобщить низшие расы к цивилизации» [цит. по: Фергюсон 2014].

дарованных им статусом «высшей расы», предпочли перевести дискуссию с этих вопросов на обсуждение технических «вопросов развития».

История отношения США к Китаю почти точь-в-точь повторилась в изменении дискурса британцев в Африке примерно в те же годы. Колониальные общества были выстроены на принципах жесткой расовой иерархии, в которых африканцы считались «расовым типом, находящимся на примитивной стадии развития» [там же: 83]. В связи с нарастанием напряжения международной обстановки перед Второй мировой войной такая расоизация отношений к африканцам стала считаться опасной: ведь не факт, что последние захотят сражаться за британцев. Другой страх, который стал охватывать англичан, — это угроза «расовой войны». Довольно скоро Первая мировая война стала восприниматься как трагическая междоусобица белых людей, ослабившая «европейскую расу» в глобальном масштабе [там же: 128]. Дополнительную тревогу вызывала возможность объединения «цветных» рас против господства «белых». Каждый военный конфликт воспринимался в расовых категориях — например, победа турок над греками или японская экспансия в Азии под лозунгами «Азия для азиатов». Однако геополитические соображения не оказались достаточной причиной для отказа от колониализма и расовой теории как его интеллектуального обоснования. Имперское господство нужно было сохранить, но с использованием другой идеологической базы. Первым шагом стал постепенный отказ от публичных проявлений расизма в некоторых сферах. Имперская администрация решила использовать образ «благонамеренного автократа», который стремится править «низшими расами» для их же блага — содействуя экономическому развитию колоний [там же: 124–125]. Экономическое развитие африканцев воспринималось как техническая проблема и должно решаться техническими средствами, без пересмотра основополагающих принципов, таких как расовая иерархия. «Новая философия колониального правления» теперь провозглашала своей основной целью заботу о повышении уровня жизни жителей управляемых территорий [там же: 136]. Чувствительные поражения британцев на азиатском театре военных действий во Вторую мировую войну — потеря Гонконга и Сингапура — сыграли свою роль в ускорении выработки и принятия новой политики империи в отношении колоний. Поражение «белой расы», унижительное бегство европейцев воспринимались как потеря авторитета, который необходимо было восстановить. Идея «расового превосходства» теперь была заменена технической функцией защиты и развития территорий [там же: 137–138]. Однако эта замена

была заменой не по содержанию, а по форме. На тот исторический момент британское правительство никоим образом не помышляло отказаться от колоний, речь шла лишь о новом дискурсе обоснования своего господства. Вступление США в войну на азиатском фронте еще более запутало проблему. С одной стороны, желание поддерживать имидж освободителей Азии от японцев подталкивало американцев осуждать британский колониализм и империализм. С другой стороны, американцам было нечего возразить на обвинения в расовой сегрегации в самих США. Отказ от расовой сегрегации был невозможен, противостояние «белые — цветные/черные» сохраняло свою актуальность. Решение было найдено в отказе от обсуждения политической подоплеки всей проблемы — идеологического, правового и политического статуса «низших рас» — и предложении направить усилия на содействие социально-экономическому прогрессу афроамериканцев. Технократическое развитие угнетаемых народов — ключевая задача новой экономической политики [там же: 144–145]. Смягчение дискурса расового превосходства и провозглашение «нового курса» сыграли свою роль: колониальные империи после победы союзников во Второй мировой войне не распались моментально. Однако в Азии сразу появилась новая угроза: на место восстанию «цветных народов» под эгидой Японии пришел СССР с его резкой антизападной и антиимпериалистической идеологией. Коммунизм грозил стать еще более опасной идеей для колониального господства западных стран [там же: 148]. Поэтому предложения технократического развития для «развивающихся стран» получили еще больше поддержки от «развитых стран». С началом холодной войны между СССР и США акценты еще больше сместились — развитие было необходимым условием удерживания развивающихся стран в орбите влияния стран Запада. Антикоммунизм стал иной важной составляющей предлагаемых стратегий развития.

В случае экономики развития расовая теория оказала определенное влияние на становление этой дисциплины. Во-первых, она решала вопрос легитимации колониального правления как технократического развития подмандатных территорий, населенных «низшими расами». Во-вторых, еще на раннем этапе экономика развития пыталась замаскировать установленную европейцами в колониях расовую иерархию предложениями не затрагивать политические вопросы развития стран третьего мира, а сконцентрироваться на аполитичных «технических» задачах экономического роста. В каком-то смысле это был ответ на европейские страхи о «расовой войне».

Программы контроля населения

Еще со времен Томаса Мальтуса европейские мыслители были озабочены проблемами перенаселения. Неконтролируемый рост населения, истощение ресурсов казались очевидными причинами грядущих человеческих бед: войн, голода, болезней и политических потрясений. Поэтому вопросы контроля рождаемости то и дело оказывались в фокусе внимания общественных активистов и ученых. Проблема особенно стала актуальной в XX веке, по мере роста продолжительности жизни вследствие прорыва в медицине — создания микробной теории, развития общественной санитарии, массовой вакцинации, разработки многих лекарств. Как итог, рост населения начал стремительно ускоряться. Демографический взрыв XX века стал пониматься как серьезная проблема многими специалистами, в том числе последователями евгеники. Они выдвигали несколько причин своего беспокойства [Дитон 2016: 269]. Во-первых, совершённый демографический переход в Европе и Северной Америке, снижение в этих регионах темпов рождаемости на фоне ее стремительного роста в Азии и Африке, был представлен как «расовая угроза», резкое смещение баланса между «расами». Во-вторых, неконтролируемый рост рождаемости, по мнению ряда мыслителей, происходил среди наиболее бедных и необразованных людей, что должно было привести к снижению качества населения (то есть «вырождению расы») и еще большему усугублению социальных проблем. Одна из задач предлагаемых, или даже навязываемых, программ развития по борьбе с бедностью являлась стратегия по «контролю населения» (*population control*) или по снижению рождаемости. Иными словами, один из рецептов борьбы с бедностью африканцев/азиатов — это ограничение их рождаемости. Исходя из представлений о том, что «цветные» плохо соображают, что они делают, европейские координаторы подобных программ не брали в расчет, что дети могут быть желанными. Наоборот, они представляли африканцев/азиатов как «рабов своих необузданных сексуальных страстей» [там же: 271]. Мнение «цветных» о том, сколько они хотят детей, в расчет вообще не принималось. Такое восприятие небелых было довольно типичным для сторонников расовой теории и евгеники: остановить чрезмерное размножение «цветных» — это самоцель, а остальное — уже не столь важные детали. Другой идеологической составляющей данных программ являлся антикоммунизм. Уже в середине XX века у многих экспертов и политиков было четкое понимание того, что бедность является питательной средой для распространения идей

коммунизма. Успехи коммунистического движения в Азии (Китай, КНДР, Вьетнам, Кампучия) отчасти воспринимались через призму бедности. Соответственно, ограничение рождаемости в развивающихся странах должно было как повлиять на «расовый баланс» на планете, так и помешать мировому коммунизму. Крупнейшим успехом подобных программ развития стало принятие Китаем программы «одна семья — один ребенок», отмененной лишь совсем недавно. Экономическая эффективность подобных программ крайне сомнительна [там же: 273], рождаемость в странах третьего мира снижается гораздо быстрее и без вмешательства правительств и НКО. Отметим, что ни одна из подобных программ не стремилась ограничивать рождаемость белого среднего класса, — наоборот, в этом случае сторонники евгеники сетовали о падении рождаемости [Bashford, Levine 2010: 8]. Перенаселение планеты и дальнейшие связанные с этим проблемы, включая угрозы конфликтов, голода, миграций и т. д., — это «вина» не «золотого миллиарда», а бедных и «цветных».

Удивительно, но сейчас данные программы продвигаются международными гуманитарными организациями под диаметрально противоположными лозунгами. Стратегия контроля населения, или «планирования семьи», — сейчас неотъемлемая часть леволиберальной повестки с ее идеями гендерного равноправия (включая право на аборт, популяризацию контрацепции, право на добрачный секс, развод, права ЛГБТ), индивидуализма (например, отказ от обязанности рожать ребенка «для государства»), постматериалистических ценностей (самовыражение важнее семейного долга). Предположения о том, что данные программы инициировались под эгидой евгеники и антикоммунизма, могут ввести сотрудников гуманитарных организаций в шок. Таким образом, у истоков демографической политики мы тоже находим влияние расовой теории.

Теория модернизации vs расовая теория

После разгрома расовой теории место центральной теории, объясняющей развитие обществ, довольно быстро заняла теория модернизации. Данная теория аккумулировала многое из более ранних работ социальных ученых и мыслителей: акцент на технические инновации, содействие социально-экономическому прогрессу, строительство государственных и политических институтов, преобразования в культурной

сфере. Преодолеть низкий уровень развития и догнать передовые страны можно с помощью заимствований успешных практик, импорта прогрессивных институтов и культурных норм. Развитые страны способны оказать содействие в виде предоставления экономической и военной помощи, консультаций по проводимым реформам [Инглхарт, Вельцель 2011: 34]. Все страны на пути модернизации должны пройти через универсальные этапы: развивать промышленность, строить новые города, инвестировать в физическую и социальную инфраструктуру, содействовать развитию образования, науки и техники, быть открытыми в отношении ценностей и культурных образцов из передовых стран. Экономическим итогом модернизации должна стать развитая промышленность (или сектор высоких технологий, «инновационная экономика»), а политическим — стабильная демократия с развитым гражданским обществом. Элементы традиционного общества должны отмереть либо сами, либо при помощи государства-«модернизатора». К таким элементам можно отнести религию, аграрный сектор, консервативные ценностные нормы и культурные установки¹².

Хотя довольно часто синонимом модернизации считалась вестернизация, данная теория не стремилась подчеркнуть исключительный характер обществ Запада. Возвышение Запада рассматривалось как следствие исключительных исторических обстоятельств, сочетание поступательного развития и определенной удачи. Социальные процессы, напрочь оторванные от какого-либо биологического содержания, являлись главными направляющими силами модернизации. Были брошены усилия на разработку понятия традиционного и современного общества, детально описан переход от архаики к современности с разложением его на различные элементы. К последним можно отнести индустриализацию, урбанизацию, секуляризацию, бюрократизацию и демократизацию. Хотя страны Запада первыми прошли основные стадии модернизации, это не означает, что по тому же пути не могут пройти иные общества, — наоборот, теория модернизации всячески подчеркивала универсальность развития. Отставание каких-либо стран в развитии не фатально: концепция «догоняющей модернизации» обосновывала возможность начать переход к современному обществу в любой исторический момент. Если страна верно следовала понятным ре-

¹² Нет необходимости более подробно рассматривать детали теории модернизации. Основные направления дискуссии хорошо описаны у Андрея Заостровцева [Заостровцев 2018].

цептам, целенаправленно проводила структурные реформы, то она получала шанс со временем выйти на тот же уровень развития, что и страна Запада.

Попробуем сформулировать ключевые отличия теории модернизации от расовой теории.

Во-первых, это принцип *универсальности* развития. Согласно теории модернизации, шанс на развитие есть абсолютно у любого общества. Она отрицает наличие какого-либо детерминизма (биологического, культурного), который бы изначально препятствовал обществу стать современным. Более того, многие версии теории модернизации утверждают, что пути к современности тоже универсальны: чтобы стать развитой страной, нужно проводить более-менее схожие преобразования. Успех развития определяется мудрыми реформами и удачными историческими обстоятельствами. Это также означает, что в рамках теории модернизации нет места для тех концепций «особого пути», которые объясняют *невозможность* развития какого-либо общества. Принцип универсальности развития становится более понятным, если его противопоставлять «жесткому» биологическому детерминизму расовой теории. В рамках последней развитие носило явно выраженный *эксклюзивный* характер: только «высшие расы» могли развиваться, создавая образцы высокой культуры. «Низшим расам» ввиду их биологической неполноценности отказывалось в шансах на самостоятельное развитие — оно могло происходить только под контролем «высших рас». Соответственно, принцип универсальности выглядит как реакция на дискредитировавший себя биологический детерминизм расовой теории. Хотя в теории модернизации мы можем увидеть наличие иерархий — страны «первой волны модернизации» и страны «догоняющей модернизации», — эти иерархии не носят жесткого, эксклюзивного характера. На мой взгляд, именно идея универсальности развития является основным вкладом теории модернизации в научное изучение социальных изменений. Отказ от него в той или иной форме лишает данный подход своей фундаментальной основы.

Во-вторых, это практически полный *отказ от биологизации* социальных наук. Теория модернизации как концепция развития напрочь лишена наследия естественных наук. Биология, антропология, медицина, генетика, география на многие десятилетия исчезли из арсенала социологов и экономистов. Если расовая теория в равной мере объединяла биологов и обществоведов, стимулируя обмен теориями, данными и методами, то потом на такое «междисциплинарное сотрудничество»

было наложено табу. В новой парадигме процессы развития объяснялись удачными политическими решениями, экономическими и социальными реформами, культурными установками, социальной инженерией, случайными событиями, но никак не географическими преимуществами, генетическими особенностями или биологическими отличиями. Все эти причины напоминали о печальном и пагубном наследии расовой теории и вызывали предельную настороженность. Неудивительно, что ученые (из разных дисциплин) после Второй мировой войны решили отказаться от самого концепта «расы», провозгласив ее (и этничность тоже) «социальным конструктом», лишив ее тем самым биологического содержания. Любая попытка подвести под социальные процессы биологическое основание рискует навлечь критику в симпатии к евгенике. Предложения по социально-экономическому развитию теперь имели в своей основе не улучшения качества населения или препятствия «вырождению расы», но проекты реформ по изменению институтов, изменению делового климата, привлечению и грамотному использованию инвестиций. В данных проектах все люди *принципиально* признаются равными по своим когнитивным, интеллектуальным, психическим и физическим способностям, отличия в социальном поведении и исходе реформ трактуются либо как следствие неравных условий, либо как различия в культуре и социализации. Иными словами, общество и индивиды воспринимаются намного более социально, чем ранее; наличие значимых биологических черт отрицается. Столь резкий отказ от биологизации поразителен, он не может быть объяснен вне контекста разгрома расовой теории.

Однако теория модернизации все же унаследовала один элемент от расовой теории, пусть и в сильно измененном виде. Тезис об англосаксонском превосходстве проходит красной нитью через большинство работ об истоках и причинах модернизации Запада. Если ранее феноменальные успехи англосаксов объяснялись их объемом мозга, формой черепа, врожденными когнитивными и психологическими способностями, принадлежностью к высшей «арийской» расе, то теперь — более совершенными институтами, случайно созданными в начале Нового времени. Содержание аргумента полностью изменилось, но по форме он остался прежним; его отличает совсем некритичное, порой восторженное отношение к успехам англосаксонских стран. Как я писал ранее, история модернизации создается профессорами британских и американских университетов [Щербак 2017]. Конечно, невозможно отрицать модернизационный отрыв Великобритании и США в последние два-три

столетия. Однако объяснения англосаксонских успехов часто страдают от пренебрежительного восприятия других европейских стран и *ad hoc* оправданий траектории развития Великобритании и США в жанре «исторических случайностей» [Аджемоглу, Робинсон 2015]¹³; часто это выглядит как своего рода подгонка решений под заранее известный ответ. На мой взгляд, все объяснения еще далеки от совершенства, а сам жанр может быть описан как «англосаксонский детерминизм». Только если ранее он имел под собой биологическую основу, то теперь — во многом институциональную. Особое место в теории и истории модернизации англосаксонским странам безусловно гарантировано, но любого рода детерминизмы не позволят в полной мере понять причины развития этих обществ.

Случай России

В контексте данного исследования пример России довольно интересен, так как это тот случай, когда преимущество страны заключается в ее отсталости. Расовая теория в России была исторически слаба и непопулярна [Могильнер 2008]. Как дисциплина физическая антропология появилась и довольно бурно развивалась, однако в ней доминировала либеральная, московская школа физической антропологии, которая избегала построения строгих биологических границ между этническими группами и тем более построения расовых и этнических иерархий. Лидер этого направления, профессор МГУ, президент Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) Дмитрий Анучин, активно защищал и продвигал данный подход: «раса», «расовый тип» воспринимались как некие средние величины, провозглашалось преобладание расово смешанных обществ. Научными ориентирами московской либеральной школы были научный позитивизм, стремление описать человеческое разнообразие Российской империи языком строгой науки, без навешивания ярлыков «отсталости» или «превосходства». Немаловажно, что именно ИОЛЕАЭ также возглавляло широкое, массовое антропологическое движение в стране — антропологов-

¹³ Также стоит отметить, что довольно долго и довольно часто такие неоспоримые достижения англосаксонских обществ, как права собственности, верховенство права, носили ярко выраженный эксклюзивный характер и не распространялись на рабов, представителей «нижних рас», аборигенов.

добровольцев, которые по собственной инициативе проводили антропометрические исследования (часто это были врачи со всей России). При этом либеральная школа имперского разнообразия в то же время стояла на страже своих принципов: сотрудничавшим с ИОЛЕАЭ антропологам приходилось принимать идеи смешанности «расовых типов», отсутствия иерархий между ними; попытки биологизации всячески пресекались [там же]. Хотя на окраинах империи — географических и дисциплинарных — были попытки конструировать русскую «расу-нацию», развивать социальную (в том числе криминальную, военную) антропологию, они не могли ослабить доминирующей позиции либерального подхода [там же]. До Первой мировой войны физическая антропология так и не перешла от «либеральной фазы» к «биологической», после Октябрьской революции и Гражданской войны физическая антропология не смогла доказать свою необходимость новой власти в том прежнем виде.

Несмотря на пафос создания «нового человека», большевики проявляли довольно мало интереса к концепции расы и евгенике. Хотя в 1920-е годы евгеника имела некоторую популярность в СССР, значительного влияния ни на научное сообщество¹⁴, ни на проводимую в стране политику она не оказывала. В 1920 году академиком Николаем Кольцовым в Москве было образовано Русское евгеническое общество при Институте экспериментальной биологии, далее с филиалом на Украине. Членом общества был нарком здравоохранения Николай Семашко, поддерживающий идеи социальной гигиены [Krementsov 2010: 417]. В 1921 году в Петрограде было основано Бюро по евгенике под руководством Юрия Филипченко. Издавалось два профессиональных журнала: «Русский евгенический журнал» и «Известия Бюро по евгенике». Однако нельзя сказать, что члены общества могли развить такую же бурную активность, что и их коллеги в Западной Европе. Члены обществ проводили исследования и выступали по вопросам социальной гигиены, защиты материнства, абортов, контрацепции, демографии и контроля населения [Ibid.: 425]. В 1926 году их инициативы о запрете браков до 18 лет, браков между близкими родственниками и браков для умственно больных людей получили поддержку государства и были включены в Гражданский кодекс СССР [Ibid.: 419]. При этом советские евгеники не

¹⁴ Возможно, профессор Преображенский из повести М. Булгакова «Собачье сердце» занимался евгеническими экспериментами, пытаясь усовершенствовать человеческую природу.

были сторонниками активного вмешательства государства в репродуктивное поведение граждан и не поддерживали какие-либо программы по стерилизации «неправильных» элементов [Bashford, Levine 2010: 9]; они считали, что человеческая природа может быть улучшена вследствие изменений социальной среды, образования и профилактики [Krementsov 2010: 414–415]. Справедливости ради надо отметить, что большевикам для их планов преобразования общества и не нужны были столь «тонкие» инструменты, как стерилизация: для целей ликвидации кулачества как класса «кулаков» было решено не стерилизовать, а уничтожить с помощью репрессий. В итоге советские евгеники не смогли противостоять критике в слабой приверженности марксизму, и евгенические общества в 1929 году были закрыты.

Расовая теория и евгеника почти не оставили следа в российской и советской общественной мысли; «отсталая» в этом смысле Россия в какой-то степени получила преимущество отсутствия связи с этими псевдонаучными подходами.

Заключение

Подробное изучение расовой теории и сопровождающих ее дисциплин позволяет более четко понять достоинства основных положений теории модернизации: универсализм развития и отказ от биологизации социальных наук. На наш взгляд, именно универсализм является ключевым элементом этой теории. Любые попытки оправдать эксклюзивность шансов на развитие, в том числе в виде концепций «особого пути», так или иначе отсылают к мрачному наследию расовой теории. Любое общество имеет шанс на успешное развитие; другое дело, что не все общества по ряду причин могут полноценно воспользоваться этим шансом.

Другой важный элемент теории модернизации, обсуждавшийся в данной работе, — отказ от сотрудничества с естественными науками, который можно объяснить разгромом и дискредитацией расовой теории. Дальнейшая биологизация естественных наук воспринималась как угроза обществу и престижу самих общественных наук. Тем не менее в последние годы ситуация меняется. Довольно много исследователей начинают включать при анализе социального развития обществ разнообразные «естественные» факторы: географию [Даймонд 2012], климат [Van de Vliert 2010], гены [Cook 2014; Fowler, Baker, Dawes 2008; Chiao, Blizhinsky 2010], вирусы и эпидемии [Murray, Schaller 2010]. На данный момент

это очень постепенный и осторожный процесс, с примерами откатов¹⁵ и публичных конфликтов. Кроме того, над социальными учеными довлеет комплекс неполноценности перед более «точными» естественными науками. Несмотря на проявляемую осторожность, явными и неявными способами последние проникают в социальные науки. Например, Аджемоглу и Робинсон, критикуя географический детерминизм Джаред Даймонда, сами используют аналогии из генетики, чтобы объяснить «мутации» институтов [Аджемоглу, Робинсон 2015]: «институциональный дрейф» является прямым аналогом «генетического дрейфа». Джоэль Мокир, анализируя причины инноваций, заимствует аналогию из теории эволюции, уподобляя развитие инноваций эволюции видов [Мокир 2014]. Однако радикальные попытки связать концепции расы и институтов встречают резкую критику¹⁶. Николас Уэйд в своей книге «Неудобное наследство: Гены, расы и история человечества» [Уэйд 2018] заявил, что, во-первых, расы как биологические общности существуют, а во-вторых, исходы в развитии могут иметь расовую основу. Согласно его точке зрения, развитие стран сильно зависит от институтов, которые он понимает как воплощения социального поведения, имеющего в том числе генетическую основу. Таким образом, появилась логическая цепочка рассуждений «гены — расы — социальное поведение — институты — разные исходы в развитии». Уэйд всячески подчеркивал, что отказывается от любого намека на иерархию рас, но избежать критики в расизме он не смог. Этот случай показателен, но, как писал израильский ученый Юваль Харари: «...как долго продержится осыпающаяся стена, которой мы отгородили департамент биологии от департамента законов и политических наук?» [Харари 2017: 288]. С определенной осторожностью процесс биологизации социальных наук будет продолжен, однако следует не забывать о мрачном наследии расовой теории. Стоит также помнить, что большинство ученых отказалось от концепта «биологической расы» не только по нормативным соображениям, но и по причине того, что различия между расами оказались гораздо менее существенными,

¹⁵ После ряда публикаций в ведущих американских политологических журналах статей о влиянии генов на политическое поведение редакторы журналов перестали принимать такие статьи.

¹⁶ Книга Николаса Уэйда [Уэйд 2018] вызвала громкий скандал: более 100 биологов и генетиков подписали письмо, в котором выражали несогласие с логикой и выводами автора.

чем это предполагалось ранее. Возможно, такая участь ждет и многие перегруженные концепты в социальных науках.

Привлечение естественных наук способно преодолеть трудности в ряде ключевых теорий общественных наук. Очевидный пример — дискуссия о «случайности» западной модернизации, в том числе о «случайном характере» первоначального выбора институтов. Предлагаемый нами ранее структурный подход [Щербак 2017; Щербак 2018], увязывающий вопросы развития с демографией, географией, экологией, частично генами и эпидемиями, продолжает традицию подобных исследований [Galor 2011; Welzel 2013]. Оставаясь в рамках теории модернизации и соглашаясь с ее основным принципом универсальности, мы допускаем, что некоторые вариации в развитии могут быть объяснены структурными факторами, которые имеют естественную природу. В общем виде эта модель выглядит так: географические и экологические условия определяют характер сельского хозяйства, который, в свою очередь, в традиционном аграрном обществе сильно влияет на демографические процессы, опосредованно влияющие на формирование институтов и экономический рост. Иными словами, человеческие популяции адаптируются к экологическим нишам, вырабатывают соответствующие методы и технологии ведения сельского хозяйства, которые в дальнейшем обуславливают демографические процессы и формирование институтов, определяющих направление развития.

Отметим, что биологизация социальных наук происходит на фоне других процессов в академическом мире. Растущая символическая роль естественных наук, популярность «больших данных», распространение менеджериального подхода в управлении университетами с его ориентацией на «повышение эффективности» дают непомерно больше веса биологам, генетикам и медикам. Это облегчает их экспансию в социальные науки; биологизация происходит не только со стороны социальных наук, но и в обратном направлении¹⁷. Вопросы этики оказываются далеко

¹⁷ Так, американские ученые Конли Далтон и Джейсон Флетчер в книге «The Genome Factor: What the Social Genomics Revolution Reveals about Ourselves, Our History, and the Future» [Conley, Fletcher 2017] обсуждали влияние распространения результатов в области генетики на социальное поведение. Например, доступность анализа генома начинает влиять на брачное поведение, решение по рождению детей и даже на страхование.

Эта информация обоюдоострая: еще в 2008 году в США был принят Genetic Information Nondiscrimination Act, призванный не допустить дискриминации по признаку особенностей генома.

не последними, и их придется принимать во внимание представителям всех наук, а память о наследии расовой теории должна служить важным напоминанием.

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.

Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М.: АСТ; Corpus, 2012.

Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Заостровцев А. Парадигма модернизации: как ее понимать? Препринт М-68/18. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_68_18.pdf (доступ 19.02.2019).

Ингхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Истерли У. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Изд-во института Гайдара, 2016.

Митчелл Т. Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. М.: Дело, 2014.

Могильнер М. Homo impregii. История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Мокир Дж. Рычаги богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Уэйд Н. Неудобное наследство: Гены, расы и история человечества. М.: Альпина Паблишер, 2018.

Фергюсон Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ; Corpus, 2014.

Харари Ю. Sapiens. Краткая история человечества. М., Синдбад. 2019.

Шнирельман В. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Щербак А. Как происходит изначальный выбор институтов? Критика концепции «случайности развития» и структурный подход. Препринт М-54/17. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_54_17.pdf (доступ 19.02.2019).

Щербак А. Парадоксы европейской урбанизации в раннее Новое время (1500–1800 гг.): структурный подход. Препринт М-66/18. СПб.: Издательство

Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_66_18.pdf (доступ 19.02.2019).

Bashford A., Levine P. (eds.). The Oxford handbook of the history of eugenics. N. Y.: Oxford University Press, 2010.

Chiao J., Blizhinsky K. Culture-gene coevolution of individualism–collectivism and the serotonin transporter gene // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2010. N 277. P. 529–537.

Conley D., Fletcher J. The Genome Factor: What the social genomics revolution reveals about ourselves, our history, and the future. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017.

Cook J. The role of lactase persistence in precolonial development // Journal of Economic Growth. 2014. Vol. 19. P. 369–406.

Dikötter F. Race culture: Recent perspectives on the history of eugenics // The American Historical Review, 1998. Vol. 103(2). P. 467–478.

Evans A. A Liberal Paradigm?: Race and ideology in late-nineteenth-century German physical anthropology // Ab Imperio, 2007. Vol. 1. P. 113–138.

Evans A. Race made visible: the transformation of museum exhibits in early-twentieth-century German anthropology // German Studies Review. Vol. 31(1). 2008. P. 87–108.

Fowler J., Baker L., Dawes C. Genetic variation in political participation // American Political Science Review, 2008. Vol. 102(2). P. 233–248.

Galor O. Unified growth theory. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.

Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Kevles D. In the name of eugenics: Genetics and the uses of human heredity (N 95). Cambridge MA: Harvard University Press, 1995.

Krementsov N. Eugenics in Russia and the Soviet Union // The Oxford handbook of the history of eugenics / ed. by A. Bashford, P. Levine. N. Y.: Oxford University Press, 2010. P. 413–429.

Leonard T. Mistaking eugenics for social Darwinism: Why eugenics is missing from the history of American economics // History of Political Economy, 2005a. Vol. 37. P. 195–228.

Leonard T. Retrospectives: Eugenics and economics in the progressive era // Journal of Economic Perspectives, 2005b. Vol. 19(4). P. 207–224.

Lipset S. Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy // American political science review, 1959. Vol. 53(1). P. 69–105.

Lipset S. Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1960.

Morton S. Samuel George Morton Papers. American Philosophical Society Library. Background note. 2018. URL: <https://search.amphilsoc.org/collections/view?docId=ead/Mss.B.M843-ead.xml;query=Samuel%20George%20Morton;brand=default> (доступ 19.02.2019).

Murray D., Schaller M. Historical Prevalence of Infectious Diseases within 230 Geopolitical Regions: a Tool for Investigating Origins of Culture // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2010. Vol. 41(1). P. 9–108.

Paul D., Moore J. The Darwinian context: evolution and inheritance // The Oxford handbook of the history of eugenics / ed. by A. Bashford, P. Levine. N. Y.: Oxford University Press, 2010. P. 27–42.

Turda M. Race, science and eugenics in the twentieth century // The Oxford handbook of the history of eugenics / ed. by A. Bashford, P. Levine. N. Y.: Oxford University Press, 2010. P. 62–79.

Van de Vliert E. Climato-economic habitats support patterns of human needs, stresses, and freedoms // Behavioral and Brain Sciences, 2013. Vol. 36(5). P. 465–480.

Welzel C. Freedom rising. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Андрей Щербак

**Перед теорией модернизации: взлет,
крах и наследие расовой теории**

Препринт М-71/19

В авторской редакции
Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург,
ул. Гагаринская, 6/1
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 05.04.19.

Формат 60x88 1/16. Тираж 30 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

- Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.
- Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.
- Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.
- Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.
- Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.
- Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
- Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.
- Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
- Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.
- Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ
ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.
- Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.
- Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**. Pittsburgh:
University of Pittsburgh Press, 2015.
- Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**.
СПб.: НОРМА, 2015.
- Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.
- Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ,
ИЛЛЮЗИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.
- Травин Д. **«ОСОБЫЙ ПУТЬ РОССИИ»: ОТ ДОСТОЕВСКОГО ДО КОНЧАЛОВСКОГО**. СПб.:
Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

